

Жрецы у Бенитцкого, используя свое особое положение в корыстных целях, идут на прямой обман. Автор показывает абсурдность религиозных догм, их противоестественность и враждебность человеческой природе. Так, Факир произносит как аксиому: «Все, что принадлежит к наслаждению, удовольствию, радости, веселию, — все должно быть чуждо истинному человеку: одни печали, одна корова или хвост ее достойны занимать мысли смертного».⁶⁹

Актуально звучал у Бенитцкого вопрос о правах и возможностях государей. Для той эпохи это был старый, но всегда жгучий вопрос. Даже Каиб Крылова наталкивался на мысль о том, что он всемогущ лишь тогда, когда сидит на троне, да и то его власть распространяется не на все в жизни. Герой же повести «На другой день» восклицает: «Нет, никто меня не уверит, чтобы мне все было возможно».⁷⁰

В начале XIX века «восточная» повесть часто становилась аллегорической. Прием аллегории позволял развивать те же идеи, отступая от традиционных образов и избирая оригинальный сюжет. Эти повести, может быть, были интересны для чтения, но новых мыслей они не содержали.

Примером такой повести служит «Златоперая птичка» Ф. Глинки. Основная ее идея заключается в следующем: все несчастья происходят оттого, что «человек не знает истинной цены вещам»,⁷¹ т. е. гонится за несуществующим и пренебрегает настоящим. Обманывает его «златоперая птичка» — воображение. Чтобы избежать самообмана, надо смотреть на вещи «сквозь стекло рассудка». Повесть Ф. Глинки отстаивала старый, рационалистический взгляд на весь мир в противовес эмоциональному к нему отношению, которое проповедовали сентименталисты.

Таким образом, повести начала XIX века если и могли представлять какой-то интерес для читателя, то все же были далеки от передовых запросов времени. Они или повторяли старое, или говорили о новом несмело и негромко. Приговор «восточной» повести был произнесен «Каибом» еще в начале 90-х годов.

Жанр «восточной» философской и нравоучительной повести изжил себя. Он был целиком связан с рационалистической философией просветительства и с литературными принципами классицизма. Новое время требовало новых форм. И хотя были попытки использовать «восточную» повесть для проповеди идей сентиментализма, но все они оказались неудачны. В этих повестях утверждались новые идеалы: вместо идеи долга — идея любви, вместо приоритета разума — приоритет сердца. Однако спор велся в об-

⁶⁹ Там же, стр. 16.

⁷⁰ Там же, стр. 24.

⁷¹ «Благонамеренный», 1818, ч. I, № 3, стр. 316.